

Подвигу железнодорожников

По этим стальным магистралям идут в Москву поезда из Праги, Варшавы, Берлина. Стучат колеса составов из Минска, Бреста, Смоленска, Вильнюса. На подходе к столице проводники объявляют:

— Внимание! Посмотрите на памятник героям-железнодорожникам. Он выполнен скульптором Сергеем Тимофеевичем Коненковым.

Пассажиры встают у окон. Вблизи локомотивного депо имени Ильича, среди обычных путейских сооружений высятся фигура скорбящей матери с прильнувшим к ней ребенком. Рядом обелиск с именами рабочих депо, погибших смертью храбрых в боях под Москвой.

И враз суровеют лица людей...

Незабываем трудовой и боевой подвиг, совершенный железнодорожниками в дни

исторической Московской битвы. Самоотверженно действуя, часто под бомбами врага, они тогда внесли большой вклад в сосредоточение на Западном направлении крупных войсковых резервов, которые в декабре сорок первого года нанесли под стенами столицы сокрушительный удар по фашистским полчищам. Быстро восстанавливая поврежденные фашистской авиацией пути, они безостановочно направляли к передовой линии оружие, боеприпасы, продовольствие.

Железнодорожники в короткие сроки создавали и ремонтировали боевую технику. В те суровые годы только коллектив депо имени Ильича отправил на фронт восемь хорошо оснащенных бронепоездов, которые оказали мощную огневую поддержку нашим войскам.

Славные дела железнодорожников Московского узла отмечены мемориальными досками. Полтора десятка лет назад на средства, собранные машинистами, вагонниками, путейцами, был поставлен замечательный памятник.

«По просьбе рабочих локомотивного депо имени Ильича в 1967 г. мною был вырублен в мраморе памятник героям-железнодорожникам, погибшим на дорогах войны, — вспоминал выдающийся советский скульптор Герой Социалистического Труда Сергей Тимофеевич Коненков в своей книге «Мой век». — Он установлен среди стальных путей, семафоров, главных электрических линий Белорусского вокзала. Пассажирам Западного направления беломраморная фигура женщины и строгий обелиск напоминают, что Белорусская дорога в годы войны была фронтовой дорогой».

У памятника всегда живые цветы. Молодые железнодорожники дают здесь клятву брать пример с героев Великой Отечественной войны, укреплять могущество Родины.

В памятные дни Московской битвы машинисты электровозов, проходя мимо мемориала, дают протяжные сигналы: помним!

*Н. Бадеев,
журналист*

Трижды спасенный

В одну из ночей первого года Великой Отечественной войны в Москве раздались сигналы воздушной тревоги: летчики 2-го фашистского воздушного флота, снискавшие мрачную известность зверскими бомбардировками Польши, Франции, Англии, Югославии, Греции, сделали еще одну попытку прорваться к советской столице. Пронзительный вой сирен, паль-

ба зенитных орудий подняли на ноги и жильцов дома № 4 по Большой Грузинской улице. Вдруг они услышали молниеносно нараставший зловеющий свист — бомба, казалось, летела прямо на дом. Совсем рядом ударило словно огромным молотом, содрогнулись венцы из вековых стволов, погас свет, зазвенели разбитые стекла, посыпалась штукатурка. Прошла секунда, вторая... Оцепеневшие люди облегченно вздохнули: бомба не взорвалась...

— Тысячекилограммовая, — определил старший группы саперов, прибывших к месту ее падения.

Предстояло решить, что делать с бомбой: если взорвать — наверняка сильно пострадает дом № 4. А особняк, судя по архитектуре, интересный, таких немного в столице.

— Давно построен? — кивнув на дом, спросил старший у пожилой женщины, преподавательницы находившегося рядом педагогического института.

— В конце восемнадцатого века. Жил в нем в то время известный публицист Щербатов, автор «Истории Российской от древнейших времен...».

И, заметив, что саперы с интересом слушают ее, добавила:

— В войне 1812 года дом загорелся, но пожар успели потушить. Во второй половине века в нем много лет жил Даль...

— Владимир Иванович? — переспросил старший. — Тот, что создал книгу о словах?

— Он самый. Великий лексикограф, почетный член Академии наук. В его доме часто бывали известные русские писатели, историки.

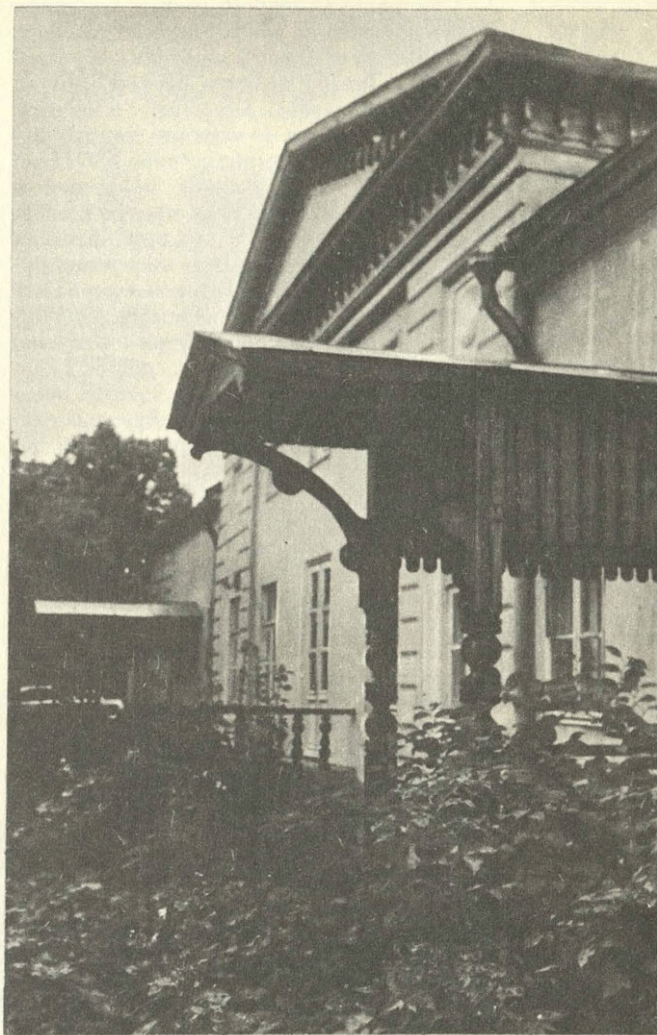
Старший задумался, потом сказал:

— Бомбу будем обезвреживать.

Но когда саперы приступили к своей смертельно опасной работе, оказалось, что бомба была уже обезврежена, — в ее чреве вместо взрывчатки находился ...речной песок, а в нем полуобгорелый, с оторванными первыми страницами чешско-русский словарь. Кто был он, герой-антифашист, который, рискуя жизнью, отвел беду? Не указывает ли книжка на его национальную принадлежность? Почему в ней оторваны страницы до слов «благодарность», «диктатура пролетариата»?

В то суровое время эти вопросы остались без ответа.

Прошли годы. Здание обветшало, пришло в аварийное состояние. Общественность поставила вопрос о восстановлении дома В. И. Даля как историко-культурного и архитектурного памятника. В этом особняке Владимир Иванович прожил 13 лет — с 1859 по 1872 год. Здесь он написал значительную часть всемирно известного «Толкового словаря живого

Дом В. И. Даля в Москве.

великорусского языка», этой своеобразной энциклопедии народной жизни. Исследователи его жизни и творчества установили, что в доме часто бывали В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, И. С. Аксаков, Д. Н. Завалишин и другие деятели русской культуры. Писатель П. И. Мельников-Печерский жил в этом доме со своей семьей, в нем по совету Даля работал над романом «В лесах». Часто бывал в гостях у Владимира Ивановича композитор С. С. Гулак-Артемовский — автор оперы «Запорожец за Дунаем», написанной по сюжету, предложенному хозяином дома. Старый особняк хранит память о создателе знаменитой картинной галереи П. М. Третьякове. По просьбе Павла Михайловича В. Г. Перов написал здесь прекрасный портрет Даля. С домом связана память о сыне Даля — Льве Владимировиче, много сделавшем для изучения и охраны памятников Древней Руси, первоисследователе русского деревянного зодчества.

Специальная научно-реставрационная производственная мастерская Всероссийского общества охраны памятников возродила дом (автор проекта реставрации — В. А. Виноградов). Искусные плотники заменили нижние и верхние венцы, бережно сохранив элементы сруба XVIII века. Фасад оштукатурен и покрашен в желтый цвет. Как память о прошлом особняка на восточном и южном фасадах оставлены под стеклом для обозрения орнаменты венцов со следами огня. Восстановлены крылечки с резными деревянными украшениями. Внутри частично сохранен старинный паркет, печь с синеватыми изразцами. Вокруг здания посажены молодые березки и серебристые ели, а недалеко шумят кронами могучие деревья, которые, возможно, посадил В. И. Даль.

К мемориальному дому над Краснопресненскими прудами часто приходят историки, филологи, краеведы и просто люди, интересующиеся историей отечественной культуры.

После реставрации особняка начались работы по сбору материалов для кабинета-музея В. И. Даля. Книги, рукописи, документы, иллюстрации расскажут о доблестном гражданине России, борце за народный великорусский язык.

В одной из комнат разместится совет краснопресненского районного отделения ВООПИиК, проводящий большую работу по исследованию истории и охране дома-памятника.

В доме будет и портрет отважного человека, который в далеком военном году обезопасил бомбу, сброшенную в район Пресни с фашистского самолета. Его имя почти сорок лет оставалось неизвестным. Недавно чехословацкое телевидение, рассказав о случае с бомбой, обратилось с призывом пролить свет на случай с чешско-русским словарем. Откликнулась Мария Маркова из села Горни Елена. Оккупировав Чехословакию, фашисты угнали ее вместе с мужем в Германию, принудительно заставив работать на заводе боеприпасов. Однако чехи, стремясь помочь советским братьям в борьбе с гитлеровскими захватчиками, невзирая на страшную опасность, не раз начиняли бомбы песком. В одну из них Мария Маркова сумела положить чешско-русский словарь, специально оторвав его первые страницы до слов «благодарность», «диктатура пролетариата». Эти слова были приветом чешских антифашистов советскому народу, героически сражавшемуся с фашизмом.

Так была раскрыта загадка чешско-русского словаря, который ныне, как реликвия пролетарского интернационализма, выставлен для обозрения в Центральном музее Революции СССР.

Сергей Разгонов,
журналист

Караван ушел на восток

Как эвакуировали ценности ГИМа

Москва стала военной сразу, с первого дня объявления войны. На улицах замелькали люди в форме. На Пушкинской площади, около здания «Известий», расположился отряд воздушного заграждения. Вереница аэростатов протянулась по Ленинградскому шоссе. У военкоматов очереди. На улицах у репродукторов, у щитов со сводками Совинформбюро собирались толпы людей. Лица сосредоточены. Все, что теперь ни делалось в огромном городе, делалось с поправкой на войну...

А в Историческом музее, под каменными сводами запасников, спокойно стояли доспехи средневековых воинов, царские возки и крестьянские сани, покоились в папках древнейшие на Руси рукописи. Здесь хранились вещи, запечатлевшие мгновения русской истории, свидетели народного бессмертия. Много бед и войн, вторжений и смут пережили эти ветераны истории.

Десятки тысяч экспонатов жили особой музейной жизнью, и, казалось, не было силы, которая могла изменить однажды заведенный порядок.

Но вот пришло распоряжение из Наркомпроса: «Готовить музей в эвакуацию»...

Эвакуация... Разными путями, в разные сроки и в разных условиях эвакуировались советские музеи в дни фашистского нашествия.